

На правах рукописи

Власова Анна Владимировна

**СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск – 2011

Работа выполнена в Уральском социально-экономическом институте (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений»

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор
Смирнов Сергей Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Конюченко Андрей Иванович

доктор исторических наук,
профессор
Егорова Мария Васильевна

доктор филологических наук,
профессор
Атаманов Михаил Гаврилович

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Челябинская
государственная академия культуры и
искусств»

Защита состоится 20 декабря 2011 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета и на сайте ВАК <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/>

Автореферат разослан «___» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В дореволюционной России Русская православная церковь (далее РПЦ) оказывала значительное влияние на становление государственности и национальной культуры. Активно занимаясь социальной деятельностью в области миссионерства, просвещения, воспитания нравственности, РПЦ накопила значительный опыт, который может быть использован для решения современных задач социальной направленности.

На протяжении советского периода благотворительность, в том числе социальная деятельность РПЦ, рассматривались как явление классового общества, которое было направлено на ограждение господствующих классов от социальных потрясений.

В результате рыночных реформ 90-х гг. в России в настоящее время наблюдается социально-экономическая ситуация, в основных чертах, адекватная той, что имела место в исследуемый в диссертации хронологический период. Как и тогда, в обществе возникла объективная потребность в возрождении института социальной деятельности РПЦ. В последние два десятилетия в России появились многочисленные благотворительные организации и фонды, проводятся акции в поддержку различных социальных и культурных программ. Заметно активизируется социальная, образовательная и культурная деятельность РПЦ, происходит взаимодействие институтов церкви и государства, возрождаются и крепнут традиции церковного социального служения.

Для более эффективной совместной деятельности государства, общества и церкви необходимо изучение форм организации церковно-государственных и церковно-общественных отношений второй половины XIX – начала XX в.

Значимость изучения истории деятельности РПЦ на Урале заключается и в том, что анализируемый в диссертации материал позволяет выйти на теоретические и практические выводы и обобщения, которые затрагивают не только прошлое, но и современное состояние социального служения церкви в Уральском регионе и во всей России. В этих условиях получение объективного представления об истории социальной деятельности РПЦ Урала и ее современных перспективах представляется важным, как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Объектом исследования является социальная деятельность РПЦ.

Предмет исследования составляют мотивы, основные направления, конкретные формы и результаты социальной деятельности РПЦ в исследуемый период на Урале.

Хронологические рамки диссертации охватывают вторую половину XIX – начало XX в., когда в России, и в частности на Урале, осуществлялся переход от традиционной организации общественных отношений к индустриальной. В этот период быстро менялась социальная структура общества; рушились сословные границы, формировались основные классы индустриального общества – пролетариат и буржуазия; возрастала социальная и территориальная мобильность населения; старые формы социальной поддержки, рассчитанные на малоподвижное население, становились неэффективными. Все это влекло за собой необходимость в расширении и принципиальном изменении форм социальной помощи, с одной стороны, и активного осуществления социальной политики всеми ее субъектами, в том числе и религиозными институтами и организациями, с другой.

Вторая половина XIX в. и особенно начало XX в. характеризуется кризисом традиционных институтов государственного социального призрения и одновременно подъёмом общественной благотворительной активности, массовым возникновением благотворительных обществ и организаций. Возрождение церковноприходской благотворительности во многом определялось с «Положением о приходских попечительствах при православных церквях», утвержденным 2 августа 1864 г. Социальная роль церкви в этот период существенно изменилась, поскольку теперь она становилась своеобразным посредником между государством и гражданским обществом в деле социального служения.

Верхней хронологической границей исследования является 1917 год, поскольку с этого момента РПЦ перестала быть государственным институтом. Ее благотворительная, миссионерская деятельность была существенно сокращена и протекала в иных социальных и политических условиях.

Территориальные рамки исследования охватывают Уральский регион, на территории которого в рассматриваемый период находились пять епархий: Вятская, Пермская, Екатеринбургская (выделилась из Пермской в 1885 г.), Оренбургская и Уфимская (выделилась из Оренбургской в 1859 г.). В административном, экономическом и культурном отношении – это была относительно единая территория, куда первоначально входили Вятская, Пермская и Оренбургская, а затем добавились выделившиеся из двух последних Екатеринбургская и Уфимская губернии. Регион заметно отличался от центральной России сосредоточением на его территории горнозаводского населения; пестрым религиозным и этническим составом, наличием больших изолированных сословных этнических и религиозных групп. Все это дает основание выделить его в отдельный исследовательский комплекс.

Степень изученности темы. Социальная деятельность РПЦ попала в область активного изучения историками, чиновниками и представителями общественности во второй половине XIX в. Целенаправленное исследование становления церковно-общественного социального служения в широком плане активизировалось в начале XX в. Многие известные исследователи, понимая место и значение деятельности РПЦ в общей системе государственного и общественного призрения, пытались осмыслить процессы, происходившие в этой области. Выдвинутые на первый план дореволюционными историками такие вопросы истории социального призрения как духовные истоки православной благотворительности, православное воспитание и социальная поддержка, призрение приходских попечительств, борьба церкви с социальными патологиями, влияние РПЦ на духовно-нравственную жизнь общества в дальнейшем изучались советскими и особенно постсоветскими исследователями. Полная характеристика социальной деятельности РПЦ, особенно её региональных аспектов, ещё не обрела завершённой формы; налицо целый пласт малоисследованных проблем, которые, вместе взятые, составляют содержание большой научной темы – социальная деятельность РПЦ на Урале. Подробно историография проблемы рассматривается в первой главе диссертации.

Цель диссертации – создать целостное представление об основных тенденциях развития, общих закономерностях и региональных особенностях социальной деятельности РПЦ.

В связи с этим определены следующие **задачи**:

- определить степень научной разработки проблемы социального служения РПЦ во второй половине XIX – начале XX в. в отечественной историографии;
- выявить направления и масштабы социальной деятельности РПЦ на Урале;
- рассмотреть организационные формы социальной деятельности РПЦ в исследуемый период;
- охарактеризовать внутрицерковную борьбу по вопросам целей и направлений социального служения.
- показать роль приходской и монастырской благотворительной деятельности как составной части общественной деятельности, направленной на поддержание экономически неактивных и социально ущемленных групп населения края, а также на развитие социально значимых общественных институтов (социального призрения, здравоохранения, образования, воспитания).

Источниковая база диссертации по происхождению информации разделена на четыре основные группы.

Первую группу составляют официальные документы – законодательные акты и распоряжения правительства и церковных властей по вопросам призрения и иной социальной деятельности церкви. В первую очередь, к ним относятся указы императора и Сената, нормативные акты Синода, правящих архипастырей, епархиальных должностных лиц. Большая часть нормативно-правовой базы РПЦ была опубликована в церковных журналах, епархиальных ведомостях, которые являлись официальным источником информации для всех православных организаций региона и дискуссионной площадкой для обсуждения проблем церковных преобразований.

В эту группу источников входят «нормальные» и примерные уставы, разработанные Министерством внутренних дел для отдельных типов благотворительных организаций, а также многочисленные правила, в том числе для церковноприходских попечительств, обществ, школ, регулирующие различные стороны социальной деятельности РПЦ в России во второй половине XIX – начале XX в.¹ Основным правовым актом, регулирующим социальную и благотворительную деятельность в стране в это время, был Устав об общественном призрении². В эту группу также включены опубликованные документы центральных благотворительных учреждений, труды двух съездов по общественному призрению и благотворительности, носившие преимущественно рекомендательно-методический характер. Их анализ позволил выявить основные принципы церковно-государственной политики по организации и развитию социальной деятельности РПЦ в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Вторая группа источников представлена материалами делопроизводства, которые составляют значимую долю привлеченных к исследованию материалов. К ним относятся годовые отчеты обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания, епархиальных архиереев, специальных епархиальных комитетов (например, Екатеринбургского епархиального комитета для оказания помощи

¹ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министров, губернаторов и градоначальников : сб. / сост. К.Г. фон Плато. Рига, 1903.

² Свод законов Российской империи. Т. XIII. Изд. 1892 г.

пострадавшим от неурожая); списки членов и журналы протоколов заседаний епархиальных и приходских обществ и комитетов; приходно-расходные книги; документы благотворительных церковных заведений (уставы, отчеты, протоколы заседаний правлений и общих собраний членов); прошения, ходатайства, письма. К этой группе отнесены также юбилейные обзоры и очерки деятельности, издаваемые епархиями Урала. Этот комплекс источников дает представление о содержании и характере деятельности церковных заведений, монастырей, церковноприходских попечительств, попечительств о бедных церковного звания, социальном и ином составе их членов, видах и размерах, направлениях их деятельности, источниках финансовых поступлений. Опубликованные сведения о работе благотворительных заведений содержатся в различных справочниках, адрес-календарях, уставах и отчетах. Материалы, касающиеся социальной деятельности РПЦ, публиковались, в первую очередь, в церковной периодической печати.

Третья группа источников представлена материалами статистических обследований общероссийских и местных социально-благотворительных заведений, позволяющих проследить динамику их роста, участие различных сил в благотворительном движении, выявить приоритетные направления деятельности. К статистическим источникам относятся издания Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел¹. Важное место в работе занимают источники историко-этнографического характера по уральскому региону². В эту группу также включены справочные издания, выходившие, как правило, большими тиражами на Урале. К ним относятся Адрес-календари, памятные книжки, календари отдельно по каждой губернии.

В четвёртую группу выделены материалы периодической печати. В ходе исследования были изучены как местные уральские, так и общероссийские издания газет и журналов: «Зауральский край», «Уральская жизнь», «Колокол», «Голос Церкви», «Богословский вестник», «Русский паломник», «Церковный вестник», «Трезвая жизнь», «Всероссийский вестник трезвости» и др. На рубеже XIX – XX вв. выходили специальные журналы общероссийского масштаба, посвященные социальной деятельности и ее различным видам: «Детская помощь» (1885–1894), «Вестник благотворительности» (1897–1902), «Трудовая помощь» (1897–1917), «Призрение и благотворительность в России» (1912–1917). Новостные социальные вопросы неизменно были представлены на страницах газет. Статьи обзорного, аналитического характера по проблеме печатались в журналах «Вестник благотворительности», «Вестник Оренбургского учебного округа», «Трудовая помощь», «Уральское хозяйство», «Русская школа», «Пермские губернские ведомости», «Оренбургские губернские ведомости». Исторические очерки о

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – 28 : Оренбургская губерния. СПб., 1904.

² См.: Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Т. 2. М., 1860. С. 657–663; Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья с уездом (Пермской губернии), в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца, с приложением свидетельств о благодатных знамениях, явленных им страждущему человечеству и краткой истории Верхотурского Николаевского монастыря. М., 1899. 287с.; Жуковский И.В. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Уфа, 1880; Православные русские обители. Полное илл. описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / сост. П.П. Сойкин. СПб., 1910. 92с.; Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. V. Урал и Приуралье. С. 587; Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / сост. Н. Спасским. Вятка, 1875. 375с.

социальном служении, благотворительности в уральском крае находили отражение в газетах: «Екатеринбургская неделя», «Пермская земская неделя», «Уральская жизнь», «Уральский край», «Зауральский край», «Наш Урал», «Урал».

Деятельность РПЦ в решении социальных проблем региона раскрывали «Вятские епархиальные ведомости» (стали издаваться с 1863 г.), «Пермские епархиальные ведомости» (с 1867 г.), «Оренбургские епархиальные ведомости» (с 1873 г.), «Уфимские епархиальные ведомости» (с 1879 г.), «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (с 1886 г.).

Структура ведомостей включала два отдела – официальный и неофициальный. В официальной части публиковались, как правило, Высочайшие манифесты и распоряжения по ведомству Св. Синода, епархиального начальства, ежегодные отчеты епархиальных православных общественных организаций, которые включали сведения о численности членов, финансовых средствах и основных статьях их прихода и расхода, об основных направлениях деятельности и мероприятиях, отзывы об имеющихся проблемах. В разделе «Хроника» и «Из епархиальной жизни» помещались заметки об открытии новых православных организаций на епархиальном и приходском уровнях, об ежегодных собраниях членов епархиальных обществ. В неофициальном отделе публиковались отчеты епархиальных и приходских организаций, публицистические заметки о проблемах церковной жизни, выписки из творений святых отцов, проповеди, назидательные и душеполезные чтения, а также местные исторические, биографические и др. материалы.

Редакторы этих газет стремились сделать их актуальными, поэтому не стремились подать информацию только в благожелательном для церкви духе, охотно публиковали дискуссионные статьи и отзывы о церковных проблемах. Местная светская пресса лишь эпизодически обращалась к деятельности православных общественных организаций, оставляя эту тему для освещения в епархиальных ведомостях. Поэтому одним из основных источников изучения выбранной темы являются именно епархиальные ведомости, а материалы светской прессы привлечены в качестве дополнительных материалов.

Документальную основу исследования составили документы, хранящиеся в центральных и местных архивах. В диссертации использованы материалы Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге: Ф. 796 – «Канцелярия Святейшего Синода», Ф. 797 – «Канцелярия обер-прокурора Синода», Ф. 804 – «Присутствие по делам православного духовенства при Синоде», Ф. 1282 – Канцелярия министра внутренних дел. В эту группу источников входят журналы Синода, комитетов, управлений, материалы совещаний по церковным вопросам.

Большой массив документов содержится в фондах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО).

Особенно важные для раскрытия темы документы областных архивов находятся в фондах губернских духовных правлений, духовных консисторий, уездных отделений епархиальных училищных советов. Среди «светских» фондов местных архивов следует выделить фонды губернских правлений, содержащие сведения о деятельности приказов общественного призрения, а затем и о

деятельности губернских, уездных и городских земств, ставших «правоприемниками» приказов в области социального призрения.

Документы ряда фондов, освещающая в основном деятельность светских учреждений, тем не менее, содержат ценный материал, позволяющий судить о взаимодействии церковных структур с государственными и общественными учреждениями в сфере социальной деятельности, например, Ф. 93 (ГАСО) – Уральское горное училище Министерства земледелия и государственных имуществ, Ф. 528 – Правление Екатеринбургского комитета судебного ведомства для оказания помощи больным и раненым воинам, Ф. 603 – Верхотурский Николаевский мужской монастырь, Ф. 659 – Ирбитский уездный комитет попечительства о народной трезвости, Ф. 662 – Ирбитское попечительское общество о бедных и др.

Архивные материалы ОГАЧО: Ф. И–11 – Еткульское станичное правление Оренбургского казачьего войска, Ф. И–33 – Челябинское Духовное правление Оренбургской Духовной Консистории, Ф. И–35 – Челябинский уездный наблюдатель церковноприходских школ, Ф. И–69 – Канцелярия Челябинского викарного епископа, Ф. И–70 – Благочиние 9 округа, пос. Адамовский Кустанайского уезда Тургайской области, Ф. И–73 – Благочиние Челябинских городских церквей, Ф. И–76 – Благочиние Троицкого округа Оренбургской епархии, Ф. И–131 – Благочиние 4-го округа Екатеринбургской епархии, с. Бродокалмакское Шадринского уезда и др. позволяют вскрыть особенности социальной деятельности церкви на казачьих территориях и отчасти в инородческой среде.

Перечисленные группы источников предоставили возможность при всестороннем и глубоком их изучении с достаточной полнотой, точностью и достоверностью выявить основные аспекты темы и сделать ряд новых выводов. А привлечение разнохарактерных документов и материалов позволило осветить основные вопросы диссертации более полно и разносторонне.

Методологическая основа диссертации. Общетеоретической основой диссертации являются: теория социальной модернизации, позволившая определить главные направления социального развития в переходный период от традиционного типа общества к индустриальному и рассматривать и оценивать роль и значение социальной деятельности РПЦ с позиций модернизационных изменений; а также цивилизационная теория, согласно которой было сосредоточено внимание на социокультурных особенностях модернизационного процесса в России и на Урале. Такой подход позволил исследовать процессы взаимодействия церкви и общества в контексте политических, социально-экономических и социокультурных процессов, происходивших в России во второй половине XIX – начале XX в. Использование категорий и понятий теории социальной модернизации позволяет осуществить монистический подход к этим разнородным, а иногда и разнонаправленным процессам, без чего сложно рассматривать трансформирующееся общество как систему. Модернизация, понимаемая не просто как абстрактная трансформация, а как развитие социальной системы, её «осовременивание», продвижение по пути социального прогресса, должна и характеризоваться с позиций критериев этого прогресса. Наиболее часто к таким критериям относят «расширяющуюся автономию индивидуума вследствие разрушения традиционных связей», особенно

религиозных¹, а также становление и развитие институтов гражданского общества, идущих на смену традиционным институтам. В этих условиях общественная роль церковных институтов меняется. С одной стороны, на смену религиозной мотивации и церковной организации социальной деятельности идут рационалистические мотивы и светские гражданские структуры, вследствие чего значение церковной организации падает. Но с другой, как убедительно показал Э. Дюркгейм, – «расширяющаяся автономия» ведёт к потере социального контроля и, как следствие, росту социально негативного поведения отдельных личностей и «социальной» аномии общества в целом. В таких условиях социально и нравственно ориентирующая роль церкви усиливалась. В этом и заключалось главное противоречие, от понимания которого зависели и позиция РПЦ, и политика государства в исследуемой в данной диссертации сфере.

До недавнего времени отождествление модернизации России с её европеизацией было присуще большинству западных социологических концепций² и практически безальтернативно поддерживалось отечественными историками. Поэтому под прогрессом понималось движение модернизируемых неевропейских стран в сторону освоения западных ценностей и институтов. Такой «бинарный» подход слишком прямолинеен и не учитывает всего качественного разнообразия модернизирующихся систем.

Своеобразие протекания трансформационных процессов в России более адекватно раскрывает цивилизационный подход, качественно отличающийся от модернизационного тем, что вместо социальных организаций и институтов он на первое место ставит общественное сознание, социальные ценности. В частности, это позволяет гораздо глубже проникнуть в социально-психологические особенности русского общества, постигнуть его менталитет и тем самым понять мотивационную составляющую светской и церковной социальной деятельности.

Применительно к российской исторической действительности в рамках цивилизационной парадигмы важное методологическое значение имеет модель русского общества, разработанная А.С. Ахиезером, согласно которой Россия представляла и представляет собой цивилизацию промежуточного типа, характеризующуюся расколом между традиционным и инновационным, государственным и общественным, религиозным и светским. По этой причине Россия всегда представляет собой «расколотое общество», в котором стратегия развития подвержена значительным колебаниям либо в сторону традиционализма, либо в сторону инноваций³.

Наиболее традиционно ориентированной силой в исследуемых в диссертации процессах проявляла себя церковь, а «инновационными» представлялись в этом плане общественные организации, в частности земства, как наиболее адекватно соответствовавший инновационному типу развитый гражданский институт.

Своеобразной «попыткой» примирить два, во многом взаимоисключающих, подхода явилась культурологическая концепция Г. Терборна, сочетающая в себе обе

¹ Алексеев В.В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков. М., 2000. С. 16.

² Там же. С. 11–12.

³ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. С. 3–25; Ахиезер А.С. // Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 159.

парадигмы на основе признания модернизационных принципов, но без переноса их в сферу общественного сознания. Согласно Терборну, модернизацию следует понимать не столько как процесс становления новых социально-экономических и политических институтов, сколько как изменение «ориентации времени», связанное с перестройкой общественного сознания с ориентированности на прошлое на ориентированность в будущее. В частности, наряду с другими компонентами желаемого будущего общества конструируется и желательная духовная модель социальной сферы¹.

С учетом данной интерпретации нами был сформулирован вывод, что при сочетании церковное и светское начала в исследуемой сфере не исключали, а дополняли друг друга.

Методология диссертационного исследования включает в себя элементы как теоретического, так и эмпирического плана. Из теоретических подходов наиболее универсальным является аксиоматический, позволивший на основе эмпирической информации сформулировать категориальный и понятийный аппарат диссертации. В частности диссертантом были сформулированы категории «социальное служение», «социальная деятельность РПЦ», понятия «церковная благотворительность», «социальное призвание» и др.

В рамках структурно-функционального подхода результативность социальной деятельности церкви рассматривалась как следствие органической связи между структурой церковных институтов и их функциями. Было, в частности, выявлено, что перемещение функций по сбору благотворительных средств с епархиального уровня на приходской существенно изменило результаты этой деятельности, расширило связи церковной организации с обществом.

Актуализационный (парадигмальный) подход, используемый в диссертационном исследовании, позволил рассмотреть исторический опыт социальной деятельности РПЦ сквозь призму его применимости в современных социальных условиях и предложить рекомендации по его творческому применению.

На эмпирическом уровне использовались общенаучные подходы к сбору информации из нормативных, описательных и других источников, их обработке и группировке. В частности, широко использовались интерпретационные возможности нарративного метода, адаптированного к историческому исследованию. Обилие фактического материала ещё не означает возможности объяснения каждого факта в отдельности, тем более, когда речь идёт о диалектике общего и частного, об общих закономерностях социальной деятельности и её региональных особенностях. Незаслуженно иногда отвергаемый, метод получил теоретическое обоснование в трудах Ф.Р. Анкерсмита, разработавшего шесть тезисов нарративной философии истории².

Интерпретируя события, мы опирались и на идею Б.А. Успенского, показавшего, что объективная реконструкция прошлого не исключает, а часто и предполагает «апелляцию к внутренней точке зрения самих участников

¹ Ахиезер А.С. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческая деятельность: объяснение в социологии и социальной науке // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 105; Therborn G. Entangled Modernities // European Journal of Social Theory. London, 2003. P. 293.

² Анкерсмит Ф.Р. История и топология: взлёт и падение метафоры. М., 2003. С. 25–26, 117, 252.

исторического процесса»¹. С этих позиций мы подходили и к цитированию представителей различных взглядов на цели и методы социальной деятельности РПЦ.

Основой диссертации выступают принципы историзма, научной объективности и диалектического подхода к явлениям социальной жизни, обуславливающие построение исследования в соответствии с признанием объективной закономерности исторического процесса и требующие рассмотрения фактов и явлений в их взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии, безотносительно к существующей идеологической и политической конъюнктуре, личным симпатиям и антипатиям исследователя.

Из специальных методов исторической науки в работе над диссертацией наиболее часто использовались следующие: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, исторической экстраполяции. Первый из них позволил рассмотреть социальную деятельность РПЦ не только как явление, но и как процесс, протяжённый во времени, изменяющийся под воздействием внешних и внутренних факторов. Второй использовался для сопоставления общероссийских закономерностей и региональных особенностей реализации социальных целей церкви. Третий дал возможность осуществить распределение исследуемых явлений и процессов на однотипные группы и выделить качественно различные периоды в истории социального служения. Четвёртый способствовал реализации системного подхода к оценке исторических фактов, представлению государственной и церковной политики, иерархических звеньев управления, благотворительных институтов и организаций в виде элементов общей системы помощи и поддержки социально уязвимых слоёв населения. Пятый, основанный на логическом методе аналогии, использовался в целях исторической реконструкции отдельных элементов системы социальной деятельности.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым монографическим комплексным исследованием социальной деятельности РПЦ на территории Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. Вводится понятие социальной деятельности как особого направления материальной и нематериальной деятельности, направленной на помощь в трудных жизненных ситуациях, вызванных экономическими, нравственными или поведенческими проблемами индивида или социальной группы. На материалах уральских епархий впервые комплексно рассматривается институт социального служения как совокупность ценностей, норм и организационных форм, обеспечивающих предотвращение или преодоление обозначенных ситуаций.

Такое широкое определение социального служения позволило на основании существенного сходства целей и конечных результатов распространить его и на светские формы социальной деятельности (государственной и общественной) и тем самым точнее показать роль и место церкви в решении социальных проблем общества. В частности, дана сравнительная характеристика светских и церковных организационных форм и направлений социальной деятельности, выделена специфика целей, мотивов и результатов социального служения церкви в

¹ Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. М., 1994. Т. 9. С. 9.

исследуемый период на Урале. Показано изменение роли церкви как института социальной помощи в связи с реформами второй половины XIX в. и усиление светских мотивов этой помощи в периоды чрезвычайных ситуаций.

Впервые глубоко изучены наиболее массовые церковно-светские организации социальной направленности – приходские попечительства и путём анализа отношения к их уставным функциям, организационным формам и приоритетам расходования финансовых средств со стороны различных групп и слоёв духовенства выявлены противоречия между корпоративными и земскими началами в их деятельности.

Новым является вывод о том, что церковные и светские формы социального служения следует не противопоставлять, а рассматривать как две составляющие объективно единого процесса разрешения социальных проблем общества.

Научно-практическая значимость состоит в том, что в исследовании подводятся итоги изучения социальной деятельности РПЦ на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Материалы диссертации могут быть использованы в обобщающих исторических трудах, комплексных исследованиях по истории культуры, религии, истории РПЦ, в публикациях по краеведению. Полученные результаты найдут применение при чтении курсов отечественной истории и истории Урала в вузах, а также в музейном деле и на уроках истории в школах.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Вопросы историографии социального служения РПЦ в исследуемый период разработаны недостаточно. Полная и объективная характеристика социальной деятельности РПЦ, особенно её региональных аспектов, с одной стороны, весьма актуальная задача современной исторической науки, а с другой стороны, она ещё очень далека от окончательного решения.

2. Во второй половине XIX – начале XX в. в уральских епархиях, как и в целом по стране, основными направлениями социальной деятельности РПЦ являлись просветительство, организация социального призрения и борьба с асоциальным поведением. Масштабы этой деятельности определялись, главным образом, экономическими возможностями приходов, а также взглядами епархиального руководства на то, каким должно быть соотношение расходов на «церковное благолепие», религиозное просвещение и социальную поддержку прихожан. Как правило, в первую очередь, удовлетворялись церковные нужды, а социальное призрение стояло на последнем месте. Вместе с тем масштабы социального призрения определялись общей социальной и политической ситуацией в стране и крае. В условиях чрезвычайных ситуаций (неурожаи, войны) масштабы и значение социальной деятельности РПЦ существенно возрастали.

3. Главными организационными формами в сфере просветительства было создание сети церковно-приходских школ; в сфере социального призрения – деятельность приходских попечительств и «богоугодных заведений» в виде богаделен и церковных больниц; в сфере борьбы с асоциальным поведением – поддержка и прямое участие в трезвенническом движении. Вместе с тем имелись существенные различия в социальной деятельности приходских попечительств и монастырей: если первые осуществляли преимущественно её «открытые формы», то вторые – «закрытые».

4. В рассматриваемый период происходило активное развитие институтов гражданского общества и потеснение церковной организации социальной деятельности светской. Это выразилось, прежде всего, в массовом появлении светских общественных организаций социальной направленности, что потребовало перестройки всей системы социальной деятельности церкви в направлении её большей «открытости» и приближённости к «народным нуждам». В частности, произошёл переход от сословного принципа поддержки нуждающихся священно-и церковнослужителей и их семей к широкой внесословной социальной помощи через благотворительную деятельность приходских попечительств. Смещение функций по сбору благотворительных средств с епархиального уровня на приходской существенно изменило результаты этой деятельности в положительную сторону, расширяя связи церковной организации с обществом.

5. Адаптация к изменившимся социальным условиям в стране происходила на фоне дискуссий по вопросу о предназначении церковной благотворительности. В ходе дискуссии выявились два направления. Представители первого отстаивали традиционный взгляд на церковь как основной объект приходской благотворительности. Главной её целью считали повышение авторитета церкви путём строительства новых и придания большего «благолепия» старым храмам, повышения экономического статуса церковных причтов. Генератором этих идей являлись преимущественно представители высшей церковной иерархии. Представители второго направления выступали за смещение акцента на борьбу с бедностью и девиантным поведением и в этом видели способ повышения авторитета церкви. Этот взгляд разделяло большинство приходских священников. Наиболее авторитетным и известным из которых являлся И.И. Сергиев (Иоанн Кронштадтский). В уральских епархиях имелись представители обеих точек зрения.

6. Церковное и светское начала в сфере социального призрения не исключали, а дополняли друг друга и соответственно должны рассматриваться как две составляющие объективно единого процесса разрешения социальных проблем общества.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования докладывались на: десяти международных научно-практических конференциях в гг. Москве (2009 г.), Санкт-Петербурге (2008 г.), Казани (2010 г.), Владивостоке (2008 г.), Нижневартовске (2008 г.), Челябинске (2005–2010 гг.), Иваново (2011 г.); четырех Всероссийских конференциях в гг. Москве (2007 г.), Екатеринбурге (2002 г.), Пензе (2008 г.), Челябинске (2001 г.); пяти межрегиональных и межвузовских конференциях (2004–2009). В 2006 г. диссертант выступила с докладом на международной научно-богословской конференции в Челябинском государственном университете; в 2007 г. на V Славянском научном соборе (г. Челябинск). В 2008 г. был сделан доклад на всероссийской научно-богословской конференции «На nive Христовой: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II» в г. Москве.

В январе 2009 г. Советом ректоров вузов Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской епархии диссертант была награждена Почетным знаком Св. Татьяны и тремя дипломами за книги по истории церковной благотворительности,

признанные в числе лучших в номинациях «Поэзия и проза» и «Благотворительность».

В 2009 г. в IV Открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу» (г. Москва) соискателем получен диплом III степени в номинации «Лучшая историческая книга» за монографию «Церковная благотворительность на Урале: 1861–1917». Кроме того, все монографии и научные статьи были отмечены поощрительными премиями в ежегодных конкурсах научных публикаций преподавателей Уральского социально-экономического института (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений».

В 2008 и 2011 гг. диссертантом получены молодежные гранты губернатора Челябинской области на продолжение научных исследований по проблеме церковного социального служения на Урале.

Основное содержание диссертационной работы отражено в 46 работах общим объемом 78,1 п.л. (авторских – 58,8 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также документального приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, формулируются цель и задачи исследования, характеризуются его методологические основы, показывается научная новизна и практическая значимость работы, приводятся общие сведения об апробации полученных результатов в научных публикациях.

В **первой главе «Историографические аспекты социальной деятельности Русской православной церкви»** были использованы литература и источники по темам, охватывающим целый комплекс вопросов, связанных с историей развития и деятельности РПЦ, уральских епархий, церковно-общественного взаимодействия, благотворительности. В историографии изучаемой темы выделяются три основных этапа, в основном совпадающих с политическими и идеологическими установками времени.

Первый параграф – «Дореволюционная историография социальной деятельности Русской православной церкви (1860-е гг. – 1917 г.)» – посвящен анализу историографии проблемы на первом этапе (1860-е гг. – 1917 г.). Научный интерес к проблемам социального призрения в этот период был значителен в силу высокой степени социальной роли общественного призрения для российского общества того периода. Однако в печати выступали преимущественно государственные чиновники, имевшие профессиональный интерес в данной сфере и отражавшие официальную точку зрения, представители общественности, различавшиеся степенью радикальности взглядов на пути решения «социального вопроса» в России, служители церкви, среди которых также не было единства в данном вопросе.

Что касается профессиональных историков, то в условиях господства государственной и юридической исторических школ тема «жаждущих и страждущих» современной им эпохи не являлась популярной. Однако в широком

плане история церковной организации как института нравственного воспитания и социальной поддержки ими, конечно, изучалась. Характерным примером является работа В.О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси», в которой автор исследовал особенности частной и преимущества общественной форм призрения. По мнению ученого, милостыня имеет ряд существенных недостатков, главный из которых бессистемность. Общественная благотворительность надежнее и качественнее по результатам. В.О. Ключевский, как и большинство современников, не идеализировал существовавшую систему социального призрения и хорошо видел присущие ей недостатки. Ему принадлежит замечание, что «благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд».

Если работа В.О. Ключевского посвящена духовным истокам православной благотворительности и касается, прежде всего, прихожан, то исследование П.В. Знаменского¹, переизданное в начале нынешнего столетия, содержит наиболее полную на тот период информацию о проблемах низшего слоя духовного сословия. В нём рассмотрен широкий круг вопросов: формирования сословия, служения, обеспечения, образования.

В среде духовенства существовало мнение о том, что при помощи нуждающимся приоритетным должно быть не количество вложенных средств, а формирование личности. На это указывал И. Лабутин, считая, что благотворительность, кроме предоставления материальной помощи, должна включать образование ума и воспитание души².

Ряд исследований был посвящён специфике крестьянского, городского, церковноприходского призрения, что даёт возможность более детального изучения мотивов и механизма помощи. Так, виды общинной помощи, преобладавшей у крестьян, исследовал В. Дерюжинский³. Социальную деятельность приходских попечительств наиболее подробно исследовали А. Кудрявцев и Д. Всесвятский. Авторы выделили наиболее распространённые её формы: материальную и медицинскую помощь, школьное попечительство, особенно материальную поддержку учащихся. В условиях падения авторитета церковного школьного образования И.Н. Корсунский защищал необходимость возрождения приходской школы, называя её «древнерусской народной школой». По его мнению, такая школа представляла собой «полное и прочное ручательство за благоуспешность «дела начального образования и воспитания»; она училище для всех сословий без различия и более защищена от «неудачных учителей и уродливых явлений, нежели начальная школа светская»⁴.

Среди дореволюционных исследований по истории социального призрения, выполненных государственными или земскими чиновниками, особое значение имеют труды П.И. Георгиевского, П.И. Лыкошина, Е.Д. Максимова, Г.Г. Швиттау, В. Ильинского и других⁵. В этих работах рассматриваются исторические этапы

¹ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. – СПб.: Издательский дом «Коло», 2003. 800 с.

² Лабутин И.К. Характер христианской благотворительности. СПб., 1899. С. 8.

³ Дерюжинский В.Ф. Общественное призрение у крестьян. СПб., 1899. С. 158.

⁴ Корсунский И.Н. Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 83–85.

⁵ См.: Георгиевский П.И. О призрении бедных. СПб., 1897. 86с.; Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894. 117с.; Лыкошин П.И. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности. СПб., 1901. 62с.; Максимов Е.Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом ее

общественного призрения в России и перспективы его развития, дается оценка деятельности приказов общественного призрения, земской благотворительности и основных благотворительных ведомств и учреждений XIX – начала XX в. Так, П.И. Георгиевский, в работе «Призрение бедных и благотворительность» анализировал деятельность церковноприходских попечительств в городах. В частности, он считал, что при отсутствии в тот период организованной благотворительности, попечительства могли бы выступать основными проводниками государственной политики в сфере оказания социальной помощи экономически неактивным и социально ущемленным группам населения, особенно проживающим в городах, «где труднее представляется выяснить истинное положение просителей». П. Георгиевский отмечал близость попечительства к просителю, что позволяло собрать полные и точные сведения об истинном положении просящего. Будучи сторонником государственного регулирования социальной деятельности всех более или менее масштабных благотворительных институтов, Георгиевский с сожалением отмечал несостоявшееся включение церковноприходских попечительств в общую систему органов по призрению бедных.

Вопросы организации сельских приходов, имущественного положения низового духовенства в России были в центре внимания и церковных исследователей: И.С. Беллюстина, Н. Сушкова и Д.И. Ростиславова¹. Ими, преимущественно за рубежом, были опубликованы работы с призывом к проведению радикальных реформ церковной организации, включая и социальное призрение бедного духовенства.

П.И. Поляков в 1900 г. акцентировал внимание на непререкаемом авторитете у народа не просто социального института – церкви, а конкретно приходских священников: «...Прежде всего, резко бросается в глаза... зависимость народа от своего батюшки, указывающая на преданность церкви. И действительно, без батюшки у народа ничего не делается, особенно, что касается его важнейшей духовно-нравственной стороны жизни»².

Отдельным предметом интереса ряда исследователей являлись различные формы социально-негативного поведения: нищенство, самоубийства, проституция, пьянство и алкоголизм, социальная патология детства. Особенно много было написано о профессиональном нищенстве, о его причинах и негативном воздействии на нравственность. Начало исследованиям в области социальных патологий и значения социально-церковной помощи положили труды дореволюционных ученых: А. Стог, И.Г. Прыжов, В. Межов, Н.И. Григорьев, Я.О. Михайловский, А. Горовцев, В. Бензин, А. Папков, С. Рункевич и др. Пьянство и алкоголизм как социальная проблема, не менее драматичная для русского общества, чем нищенство, также нашла отражение в работах тех лет. Были исследованы социально-исторические корни отечественного алкоголизма, его особенности в городах и деревнях, формы и методы борьбы с этим социальным недугом (И.Г.

развитии. Благотворительность в России. Т. 1. СПб., 1907. С. 1–77; Ильинский В. Благотворительность в России: история, настоящее положение и задачи. СПб., 1908. 84с.

¹ Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства. Берлин-Париж-Лондон., 1858. 4.1.Тетрадь IV. 74с.; Сушков Н. О бедности православного духовенства и о средствах восстановить его нравственное влияние на народ. СПб., 1863. 20с.; Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т. I–II. Лейпциг, 1866. стр. 377, 240.

² Поляков П.И. Православное духовенство в борьбе с народным пьянством. СПб., 1900. С. 10.

Прыжов, Я.О. Михайловский). Особое значение проблеме пьянства и его влияния на духовное и телесное здоровье человека придавал И.И. Сергиев.

В целом, большинство исследователей имели близкие взгляды на перспективы развития приходской социальной деятельности. Они были едины во мнении, что церковное призвание требует к себе гораздо большего внимания как государства, так и общества.

Дореволюционная историография, посвященная Урало-Сибирскому региону, также характеризует различные аспекты социальной деятельности РПЦ. Основной проблемой, освещаемой в региональной литературе, являлась христианизация коренного населения, подробно исследованная Н.А. Абрамовым. История Оренбургской епархии отражена в работе Н. Чернавского, затрагивающего вопросы влияния государственной политики на социальную и миссионерскую работу епархии. Исследованиями церковной деятельности Уральского края занимались: И.Ф. Токмаков, И.В. Шестаков, С.Г. Рыбаков, И.В. Жуковский, однако вопросы социальной деятельности уральских епархий ими затрагивались лишь косвенно.

Изучив дореволюционную литературу по вопросу церковной социальной деятельности, можно обозначить ее основную тематику: осмысление идеологии и практики милосердия в христианском мире; выявление тенденций и форм частной христианской благотворительности; формулирование и описание отдельных этапов благотворительности в России.

В целом, дореволюционная историография содержит ограниченный объем фактического материала, раскрывающего региональные особенности социального служения РПЦ. Основная часть трудов дореволюционных авторов отличалась излишней описательностью. Была проведена частичная систематизация материалов по вопросам общественного призвания и благотворительности РПЦ, однако социальная деятельность церкви на Урале в этот период специально не изучалась.

Во **втором параграфе «Историография социального служения Русской православной церкви в советский период»** дается характеристика второго этапа историографии (1918 – конец 1980-х гг. XX в.). На этом этапе РПЦ осуществляла свою деятельность в условиях, когда господствовало материалистическое понимание исторического процесса и атеистическое отношение к религии и церкви. Благотворительность на этом этапе рассматривалась как институт эксплуататорского (преимущественно буржуазного) общества и противопоставлялась социальному обеспечению социалистического типа. Этими методологическими принципами и определялись тематика и оценки благотворительной деятельности церкви в советской историографии. В целом количество публикаций на данную тему заметно сократилось, а сама проблема из плоскости оценок современной многим авторам практической деятельности окончательно перешла в разряд исторических тем.

В начале периода социальная деятельность церкви ещё оставалась относительно самостоятельным предметом изучения. Так, в конце 1920-х гг. вышли в свет работы Б. Кандидова и И. Эльвина, посвященные социальной деятельности РПЦ в период Первой мировой войны, однако, в отличие от дореволюционных исследователей, авторы давали ей в основном отрицательную оценку.

В дальнейшем вопросы церковной благотворительности рассматривались лишь попутно, в общем контексте истории РПЦ. Подтверждением этому являются наиболее фундаментальные монографии Н.М.Никольского «История русской церкви» и работа под тем же названием Н. Тальберга. Кроме того, церковное призрение рассматривалась в рамках истории дореволюционных общественных организаций. Наиболее показательной в этом отношении является исследование А.Д. Степанского¹, в котором наряду с экономическими, кооперативными, научными, литературно-художественными организациями, показана и деятельность объединений социальной направленности в качестве составной части общественного движения в целом.

В 1960-е гг. в связи с потеплением государственных и церковных отношений наметилась тенденция к менее однозначной оценке исторической роли православия в России. В 1969 г. вышла монография Е.Ф. Грекулова «Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.)», где указанная тенденция просматривается как тематически, так и в оценках. В качестве новации можно выделить исследование С.Л. Франка, который первым из отечественных историков применил социологический подход к изучению истории церкви, поставив вопрос о социальной мобильности и стратах внутри духовного сословия.

Интерес к церковной истории, особенно к первым её векам, заметно вырос в годы перестройки. Поводом послужило приближавшееся тысячелетие крещения Руси, отмечавшееся очень широко. Это дало импульс для масштабных исследований и по частным вопросам.

Таким образом, советские историки так же, как и их предшественники, большое внимание уделяли изучению общих проблем церкви. Кроме этого, их интересовали тенденции противостояния государства и церкви, низшего «народного» духовенства и высшего слоя церковной иерархии, за рамками исследований осталась каритативная деятельность, внебогослужебная работа РПЦ. Отчасти тему участия церкви в социальном призрении затрагивали авторы работ, в целом посвященных истории российской буржуазии. Исключением является лишь тема церковноприходского образования, рассматривавшаяся в общих рамках истории начального народного просвещения. При этом «благотворительный» ракурс церковного школьного дела остался неизученным.

Отдельные региональные сюжеты, связанные с поднимаемыми в диссертации проблемами, нашли отражение в работах советских историков Сибири и Урала. Например, Н.А. Миненко, исследовавшая социально-политический и культурный облик западносибирской деревни, рассматривала повседневную практику общинной крестьянской жизни сквозь призму обычно-правовых норм и представлений, бытовавших в XVIII – XIX веках. В связи с этим в ее работах затрагивались и вопросы взаимопомощи и взаимовыручки у крестьянского населения Западной Сибири и ряда территорий Уральского региона. В числе исследований истории горнозаводского Урала, в которых нашла отражение проблема социальной помощи и обеспечения горнозаводского населения в контексте промышленного и социального развития края, следует отметить работы В.И. Усанова, В.И. Кононова,

¹ См.: Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. 81с.; Он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. М., 1980. 91с.

М.В. Путиловой, Е.Ю. Алферовой. В то же время вопросы непосредственного участия церковных организаций в социальной жизни горнозаводского Урала указанные авторы не поднимали.

В третьем параграфе «Историография церковной благотворительности в России постсоветского периода» проводится анализ третьего этапа историографии. Этап (конец 1980-х гг. по настоящее время) связан со сменой политического режима в стране, системными реформами, восстановившими ряд дореволюционных институтов, изменением политической идеологической и социальной ролью церкви. Указанные изменения резко усилили интерес к церкви как политическому, социальному и культурному институту. Социальная деятельность церкви начинает восприниматься в качестве парадигмы разрешения проблем бедности, стяжательства, социально негативного поведения, резко обострившихся в ходе реформирования общества. Этим, на наш взгляд, и объясняется повышенный интерес к теме. При этом, особенно в самом начале периода, эта деятельность идеализируется, подаётся как беспроблемная, высокоэффективная и т.п.

При этом история социальной деятельности РПЦ освещается не только в светской, но и в широко распространившейся церковной литературе постсоветского периода¹. Большинство работ по истории РПЦ носят довольно общий характер². Авторы рассматривают церковь как социальный институт, субъект и объект благотворительности, формы и методы социального служения применительно ко всей Российской империи, используя в основном общеизвестные и доступные материалы и источники.

Среди работ, по общим проблемам истории РПЦ, её периодизации выделяются монографии Д.В. Поспеловского и В. Цыпина. Однако ей посвящено большое количество диссертационных исследований³. Причём не только исторических. Так, институт церковноприходских школ и в целом история образовательной деятельности церкви более подробно изучены исследователями в области истории педагогики, нежели учеными-историками⁴.

¹ См.: Гуцина Н. Благотворительность Русской Православной Церкви // Православный христианин. 2007. № 7. С. 34–35; Демидова О.В. Государственная, гражданская и церковная благотворительность в России: история и современность // Отечественные архивы. 2006. № 3. С. 118–119.

² См.: Власов П.Б. Обитель милосердия. М., 1991. 301с.; Семенова Л. Российская благотворительность: воспоминания о прошлом и наказ на будущее? // Социальная работа. 1991. № 1. С. 72.; Алферова Е.Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 98.; Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России. М., 1993. 412с.; Нещеретный П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993. 31с.; Шапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 81–88.

³ См.: Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века : Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 568с.; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века : Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 268с.; Воронова Е.А. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в России: социологический анализ : Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. 207с.; Зубанова С.Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества XIX века : Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2002. 408с.; Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 24с.; Коноющенко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 223с.

⁴ См.: Агафонова Г.З. Духовно-нравственные традиции отечественного начального образования второй половины XIX – начала XX вв. (На примере церковноприходских школ) : Дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2006. 197с.; Ященко Р.В. Развитие церковно-приходских школ России (Вторая половина XIX – начало XX века) : Дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2005. 181с.

Проблеме социальной деятельности церковных организаций посвящено несколько диссертационных исследований. Историческому опыту социального служения РПЦ посвящены диссертации Н.А. Дойниковой, С.Г. Зубановой, В.В. Реутова, О.Н. Субаевой, А.В. Штепы¹. В них церковь рассматривается как социальный компенсатор и авторитетный регулятор поведения не только отдельных людей, но и целых масс. Описываются конкретные формы взаимодействия государства, общества и церкви. По мнению Е.А. Вороновой, церковь за долгую историю социального служения создала систему религиозных институтов, имеющих статус социальных институтов, и определила внутренний регламент их деятельности, прав и обязанностей. При этом церковь представляла собой управляющую систему, а ее структурные подразделения – управляемые единицы (приходы, монастыри)².

Обычно отечественные исследователи³, изучая миссионерскую деятельность РПЦ, обходят вниманием одну из важных технологий миссионерства – социальную деятельность. Обучение грамоте, духовно-нравственное воспитание иноверческого и новокрещенного населения разных территорий происходило через организацию церковноприходских школ, читален, проповедей на нравственные темы, «душеполезных чтений» и т.п. Таким образом, выполняя, с одной стороны, социальную функцию – через участие в школьном деле, церковном образовании, духовно-нравственном просвещении, РПЦ, с другой стороны, вовлекала иноверцев в православие, преследуя при этом свою главную цель – укрепление и расширение влияния православия.

Региональные особенности благотворительности и участия РПЦ в общественной жизни стали рассматриваться диссертантами с некоторым отставанием от общероссийских проблем. Им посвящены докторские диссертации О.К. Павловой (на материалах г. Санкт-Петербурга), С.Ч. Мантуровой (на материалах Забайкалья) и Л.Н. Харченко (на материалах Сибири). Н.П. Лигенко (на материалах Удмуртии) подробно изучена роль купеческой благотворительности. Этим же вопросам посвящены несколько кандидатских диссертаций⁴.

Применительно к Уральскому региону разработка социальной проблематики ведётся с акцентом на особый социально-экономический строй края, обусловленная

¹ См.: Дойникова Н.А. Социальное служение Православной церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Вологодской епархии) : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 188с.; Зубанова С.Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX веке : Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 408с.; Реутов В.В. Социальное служение Церкви в XX веке (На материалах Курской епархии) : Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 235с.

² Воронова Е.А. Институт приходской благотворительности в России: историографический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Психология. Социология. Педагогика». Вып. 1. 2010. № 12. С. 359–372.

³ См.: Михайлова Е.Д. Миссионерская деятельность православной церкви в центральной России в конце XIX – начале XX века (на материалах Курской епархии) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История». 2009. № 16. С. 88–94; Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001. С.95.; Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков : Дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. 446с. и др.

⁴ См.: Скутнев, А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: На материалах Вятской епархии : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2005. 271 с.; Лигенко, Н.П. Купечество Удмуртии: вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 432 с.; Дойникова Н.А. Социальное служение Православной церкви во второй половине XIX – начале XX веков : на материалах Вологодской епархии : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 188с. и др.

наличием мощной горнозаводской промышленности¹. Среди исследований преобладают работы, связанные с образовательной миссией церкви². Реже встречаются работы по благотворительности. (Наиболее значительна публикация М. Нечаева по церковной благотворительности в уральских епархиях в годы Первой мировой войны). Научных работ, посвящённых борьбе церкви с социальными патологиями на Урале, применительно к изучаемому периоду нами не обнаружено вовсе.

Таким образом, знакомство с научной литературой третьего периода дает нам основание говорить о заметном количественном росте публикаций, расширении проблематики, вовлечении в научный оборот большого объёма новой информации как положительном итоге исследовательской деятельности.

Однако с другой стороны, диаметрально смена вектора оценок деятельности церкви сравнительно с советским периодом, некритические заимствования из работ официальной историографии досоветского периода, идеализация социальной роли церкви в досоветскую эпоху не способствуют объективному пониманию сущности социальной деятельности РПЦ, нацеливают на появление в обществе преувеличенных ожиданий и неоправданных упований на способность церкви разрешить социальные противоречия общества, что, в конечном счёте, может привести к общему разочарованию в её возможностях и самом желании решать социальные проблемы.

Таким образом, полная и объективная характеристика социальной деятельности РПЦ, особенно её региональных аспектов, с одной стороны, весьма актуальная задача современной исторической науки, а с другой стороны, она ещё очень далека от окончательного решения.

Вторая глава – «Приходские и монастырские благотворительные заведения в России и на Урале» – посвящена изучению исторических и юридических предпосылок возникновения, становления и функционирования церковной инфраструктуры социальной помощи, как в целом, так и ее отдельных элементов.

В первом параграфе «Организация попечительств о бедных церковного звания и церковноприходских попечительств» определяются региональные количественные и качественные характеристики социальной и благотворительной деятельности церковноприходских попечительств, попечительств о бедных духовного звания и др. Место приходских попечительств в организации благотворительной деятельности, как и сами мотивы этой деятельности в пореформенную эпоху, нельзя определить, не раскрыв сущности взаимоотношений между церковью и государством. После отмены крепостного права эти

¹ См.: Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения : Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. 316с.; Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений (1917–1991 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 303с.; Зорина Н.А. Становление государственно-церковных отношений на Урале (1917–1925 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 206с.; Князева О.Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905–1917 гг.: На примере епархий Пермской губернии : Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 217с. и др.

² См.: Осипов О.В. Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864–1917 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 402с.; Андреева Ю.С. Деятельность русской православной церкви по духовному воспитанию населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. : Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 256с. и др.

взаимоотношения менялись настолько быстро, что многие современники, а вслед за ними и историки, стали даже говорить о церковной реформе. Обострились государственно-церковные противоречия, внешнее выражение которых проявлялось в разной интерпретации роли РПЦ в обществе вообще и приходской жизни в частности.

К середине XIX в. «охранительная» функция церкви заметно ослабла. В обществе росло религиозное и политическое вольнодумство. И, хотя процесс этот был объективным, такое положение дел не устраивало ни политический институт – государство, ни идеологический институт – церковь. Здесь их интересы совпадали, однако пути восстановления авторитета церкви светские и религиозные власти представляли себе по-разному. Основной функцией церкви государственные чиновники по-прежнему считали идеологическое руководство обществом, но важнейший нравственный инструмент реализации этой функции они теперь видели в создании сети церковных школ и широком распространении благотворительной деятельности. Церковные же иерархи стремились, прежде всего, усилить религиозную составляющую, а средством для этого избрали укрепление благочестия путем подчеркивания «благолепия» храмов (их украшения, организации пышных служб), а также активизацию миссионерской деятельности.

Церковноприходские попечительства как форма общественного социального призрения в России стали возникать после Указа от 2 августа 1864 г., утвердившего Положение об устройстве приходских попечительств при православных церквях. Официальной целью их создания являлось «попечение о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода». Приходские попечительства должны были способствовать укреплению позиций официально господствующей религии. Поэтому в их состав в обязательном порядке должны были входить только лица, «отличающиеся благочестием и преданностью вере православной». Одной из региональных особенностей было то, что в церковноприходских попечительствах (особенно в Пермской епархии) наряду с представителями духовенства была велика роль местного купечества. Так, известные купцы Д.С. и П.С. Жирновы являлись активными членами попечительства при Рождественского-Богородицкой церкви (Пермь). В других епархиях, на территории которых представителей крупного купечества было мало, в попечительства включались представители администрации.

По своей структуре, целям и принципам деятельности приходские попечительства несколько напоминали приказы общественного призрения, чья деятельность к моменту выхода данного Указа уже сворачивалась из-за неэффективности. Вместе с тем, структура и деятельность попечительств во многом отличались от приказов. Во-первых, они различались масштабами деятельности. Если приказы действовали на территории целой губернии, то попечительство охватывало всего один приход. Во-вторых, целями. Если основной целью приказов являлось призрение бедных, то в деятельности попечительств оно отходило на четвертый (последний) план (после строительства и содержания церквей, материальной поддержки церковных причтов и обеспечения церковноприходских школ, призванных осуществлять религиозное воспитание детей).

Основным источником доходов попечительства, особенно в первые годы существования, когда оно не имело ни капиталов в банке, ни недвижимости, предполагались стать добровольные пожертвования прихожан, а если возможно, то и других лиц, к данному приходу не относящихся. В числе первых на Урале открылось приходское попечительство при Соликамском Свято-Троицком соборе, которое было создано в 1877 г. В 1893 г. в нем состояло 66 человек. Председателем попечительства являлся надворный советник М. Кузнецов, «непременным» членом – протоиерей П. Киселев.

Можно заметить, что в деятельности попечительств были не только сугубо религиозные направления в просвещении и благотворительности, но и стремление организовать общественный досуг, отвлечь людей от пагубных занятий. В течение рассматриваемого периода данные попечительства набирают силу, умножают свой капитал и все более значительную помощь оказывают населению. Если в первый год своего существования (1889 г.) Пермское Рождественско-Богородицкое попечительство выдало пособий бедным на сумму 44 руб. 45 коп., то в 1907 г. оно израсходовало уже 1292 руб. 73 коп. Таким образом, благотворительная деятельность увеличилась почти в 30 раз.

Особенность управленческой структуры приходского попечительства заключалась в том, что оно могло использовать для побуждения населения прихода к участию в благотворительной деятельности сразу два ресурса: административный ресурс органов местного самоуправления (волостные правления, городские думы) и религиозно-нравственный ресурс церкви. В отличие от благотворительных обществ попечительства формально (по закону) относились к учреждениям, «на особых основаниях управляемым», то есть являлись квази-общественными, полугосударственными, создававшимися на всей территории империи по единому образцу, имевшими единообразную структуру управления и пользовавшимися равной поддержкой государства.

В попечительствах постоянно происходила борьба между сторонниками «просветительского» направления попечительской деятельности и «клерикалами», ставившими на первое место интересы самой церковной организации. Из уральских епархий одной из наиболее «клерикальных» в начале 1900-х гг. (даже в масштабах всей страны) являлась Вятская. В 1901 г. в ней приходскими попечительствами было собрано 386 тыс. руб., а на содержание приходских школ, богоугодных заведений и другие виды благотворительности в 1902 г. было истрчено всего 10,3 тыс. руб. (2,7 %). Наоборот, Оренбургская и Уфимская епархии числились среди «просветительских». Попечительства даже относительно небольшой (в сравнении с Вятской) Уфимской епархии потратили на благотворительные нужды в том же году 12,4 тыс. руб. Примерно столько же было израсходовано и в Оренбургской – 11,6 тыс. руб., а в Пермской и Екатеринбургской вдвое больше, чем в Вятской (20,7 тыс. и 25 тыс. руб. соответственно). Тем не менее, даже и в таких «просветительских» епархиях подавляющая часть средств тратилась на церковные нужды. На собственно благотворительность выделялись ничтожные суммы.

В целом же современники в середине 1880-х гг. отмечали: «что касается до благотворительности духовного ведомства по отношению к нищим не духовного звания, то... ограничивается лишь выставкой в церквах кружек для сбора подаяний и

затем призрением, со стороны некоторых монастырей богомольцев – нищих, бесплатную выдачу им пищи, одежды и т.п.».

В церковной среде были и сторонники «благотворительного» направления деятельности попечительств. Так, известный «благотворитель», основатель первого в России дома трудолюбия, протоиерей Андреевского собора Кронштадта И.И. Сергиев (Иоанн Кронштадтский) в программной речи, сказанной 9 июня 1874 г. при открытии местного попечительства, заявил, что главной задачей попечительства является «уничтожение нищенства и попрошайства в нашем городе, для искоренения лени, праздности, тунеядства и пьянства, для приискания работ бедным, для учреждения ремесленной школы для бедных детей» и уж во вторую очередь «оно может иметь предметом своим и самый храм, попечение о его благолепии, чистоте и о потребностях его; о поддержании хора певчих и, наконец, самый причт». Таким образом, он поменял местами приоритеты, изложенные в «Положении». На первое место он передвинул (с последнего) даже не вопросы благотворительности в узком церковном понимании – подача нищему милостыни непосредственно или через церковную кружку, а шире – как социальную помощь, направленную на искоренение самого нищенства через предоставление возможности трудиться, и борьбу с социальными отклонениями. Забота о «благолепии» храма у него отодвинулась на второе место, а содержание причта – со второго на последнее.

Если использовать сухой язык статистики, то наиболее объективной оказывается оценка роли приходских попечительств, сделанная еще современником: «...действительно незначительна и даже ничтожна благотворительная деятельность приходских попечительств, оторванных... от земской жизни и деятельности населения. Вся их деятельность в империи в этой области, даже с присоединением деятельности по церковноприходским школам, выражается суммой расхода, не превышающего расхода, например, только одного С.-Петербургского частного благотворительного Общества попечения о бедных и больных детях».

Во втором параграфе «Благотворительность уральских монастырей как направление социальной деятельности Русской православной церкви» проводится анализ организационных форм социального призрения монастырей в России и на Урале.

В отличие от приходских церквей монастыри располагали жилыми помещениями, имели работников в лице послушников и монахов, вели собственное хозяйство, занимались торговлей и промыслами. Поэтому их благосостояние менее зависело от пожертвований населения, а условий и возможностей для организации закрытого призрения было гораздо больше. Именно по этой причине монастырям (еще со времен «Стоглавого» собора) вменялось в обязанность заниматься социальным призрением, хотя бы собственных престарелых и больных монахов. С 1866 г. создание при монастырях богоугодных заведений (богаделен, приютов, больниц, школ) стало обязательным для каждой вновь открываемой обители. В Указе обер-прокурора Синода Л.А. Толстого от 6 апреля 1866 г. учредителям монастырей предлагалось «соединить с удобствами монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную». На основании этого документа в период с апреля 1866 г. по 1869 г. было учреждено 10 монастырей со школами, богадельнями

и приютами, с 1870 г. по 1886 г. – еще 37 таких монастырей. Но среди иноческих представителей случались разногласия по вопросам участия в делах социального призрения. В 1909 г. на съезде монашествующих разгорелся спор о благотворительной деятельности монастырей, перешедший на страницы светской и церковной периодики. Большая часть делегатов съезда заявляли о несовместимости монастырской и внешней благотворительной деятельности.

Как показали подсчеты, на 1910 г. при епархиях Урала действовало 56 монастырей, а к 1913 г. их было уже 69. Из них в Вятской епархии 13, Екатеринбургской – 15, Оренбургской – 12, Пермской – 14, Уфимской – 15 монастырей. Основными формами монастырской социальной деятельности на Урале являлись: создание и развитие «богоугодных учреждений» (богадельни, больницы) и просветительских (церковноприходские школы, училища, школы грамоты, творческие мастерские); организация сбора и распределение пожертвований на различные благотворительные нужды.

Во второй половине XIX – начале XX в. отмечался неуклонный рост численности монастырей, изменялись и совершенствовались формы и методы благотворительности; в благотворительном процессе задействовались не только крупные монастыри, но и более мелкие, региональные.

Третий параграф – «Организация и деятельность богоугодных заведений Русской православной церкви на Урале» – посвящен изучению организации и деятельности уральских богоугодных заведений. Особенно это касается богаделен и детских приютов.

Заметно скромнее, в сравнении со светскими, была и численность приходских «богоугодных заведений», являвшихся основными типами благотворительных учреждений при церковных приходах и монастырях. Всего к 1890 г. при 37,5 тыс. приходских храмах имелось 18232 попечительства, 660 богаделен и 480 больниц (приблизительно одна богадельня на 57 приходов и одна больница на 78). Однако далеко не всегда основание богадельни или больницы было связано с созданием попечительства. Большинство богоугодных заведений возникло еще задолго до организации попечительства. Так, по данным Синода, в 1902 г. в ведении церковноприходских попечительств имелось всего 64 больницы на 789 пациентов и 870 богаделен на 10772 призреваемых. Попечительства основывали, главным образом, богадельни, которые обходились дешевле, да и медицинского персонала для них не требовалось. На содержание одного призреваемого в богадельне расходовалось в год всего несколько рублей, и содержали их только в холодные зимние месяцы. На Урале во второй половине XIX – начале XX в. активизировалась деятельность РПЦ, выразившаяся, прежде всего в возрастании количества богоугодных заведений. Особенно это касается активной организации и деятельности богаделен и детских приютов.

В Оренбургской епархии ситуация, связанная с наличием церковных и монастырских больниц, богаделен и приютов, была несколько иной, чем в Пермской и Екатеринбургской. Оренбургский епископ Феодосий в 1910 г. писал по этому поводу в свое ежегодном отчете: «Больничное дело и призрение бедных в монастырях епархии организовано плохо. Больниц и богаделен при церквях Оренбургской епархии не имеется». Богадельни, как вид благотворительного

учреждения, были широко распространены не только в Пермской губернии. Например, в 1898 г. в Вятской губернии благотворительных учреждений всех типов было 66, в том числе «... богаделен 39, домов призрения 6, приютов 6, убежищ 3, сиротских домов 1, домов трудолюбия 5, ночлежных домов и приютов 2, яслей 2, школ для слепых 2». Однотипными с богадельнями по принципу устройства и категориям призреваемых являлись дома призрения и ряд других благотворительных учреждений. Богоугодные заведения содержались не только за церковно-монастырский счет. В расходах участвовали казна, частные лица и общества. Однако благотворительность не составляла и не могла составлять главного содержания приходских и монастырских благотворительных заведений.

Третья глава – «Социальное служение Русской православной церкви: борьба с пьянством» – посвящена анализу роли РПЦ в трезвенническом движении. В ней рассматриваются основные направления, формы и методы церковной деятельности в борьбе с «народным пороком».

В первом параграфе **«Винная политика во второй половине XIX – начале XX в. и духовно-нравственный аспект трезвеннического движения в пореформенной России»** рассматриваются проблемы введения новой системы торговли алкоголем в России, а также участие РПЦ в трезвенническом движении.

Несмотря на отмечавшийся прогресс в области алкогольно-акцизной системы, она подвергалась жесткой критике со стороны сторонников трезвого образа жизни, поскольку и после ее введения пьянство продолжало расти. Начавшееся в 1882 г. обсуждение «водочного вопроса» в русских губерниях показало, что, исключая производителей и торговцев, общество решительно выступает за введение строго регулируемой государственной монополии на водку. Новая система торговли спиртными напитками вводилась с января 1894 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Она предусматривала государственное регулирование производства и казенную торговлю спиртным. Местом проведения эксперимента по внедрению казенной винной монополии стала территория уральских епархий. Первоначально продажа спиртного частными лицами была запрещена в четырех восточных губерниях, включая Уфимскую и Пермскую. В 1898 г. запрет был распространен уже на тридцать пять губерний. С 1902 г. она вступила в силу на территории всей империи. Главной целью новой политики провозглашалась забота об оздоровлении общества. С 1894 г. одновременно с введением винной монополии правительство стало организовывать губернские и уездные комитеты казенного Попечительства о народной трезвости. Однако значительная часть общества (научная общественность, публицисты, общественные деятели) была недовольна винной политикой, ориентированной на «умеренное пьянство», требовала более радикальных мер по прекращению пьянства. Разумеется, что духовенство и церковь в целом не могли оставаться в стороне от развернувшейся дискуссии.

Широкое участие в организации трезвеннического движения принимало духовенство. Указ Синода от 5 июля 1889 г. призвал священников «путем живого и ближайшего воздействия на население способствовать к отвлечению низших классов городского и сельского населения от питейных заведений и от употребления вина». Из официально разрешенных в 1889 г. МВД 95 обществ трезвости 36 являлись церковноприходскими. Всего же к 1890 г. было создано почти 200 таких

обществ, в среднем по 2 на губернию или по одному на каждый из 229 православных приходов.

Государство рассматривало РПЦ в качестве неперемennого и действительного участника трезвеннического движения. Приходы, в свою очередь, принимали определенные меры культурно-просветительского, духовно-нравственного характера (беседы, лектории, устройство библиотек), в большинстве своем традиционные и носящие религиозные мотивы, но, тем не менее, косвенно способствующие просвещению населения (особенно сельского) Урала.

Второй параграф – «Роль Русской православной церкви и общественности Урала в трезвеннической деятельности на рубеже XIX – XX вв.» – посвящен предпринятым РПЦ и общественным движением Урала мерам профилактики и борьбы с народным пороком. Попечительства о народной трезвости в уральских губерниях в конце XIX – начале XX в. вели преимущественно культурно-просветительскую работу. Следует подчеркнуть, что подобная тенденция является характерной практически для всех провинциальных добровольных общественных объединений. Они были достаточно ограничены в средствах и не имели возможности оказывать материальную помощь нуждающимся. В этих условиях просветительство становится единственно возможной формой социальной деятельности попечительств. В 1895 г. в целях организации деятельности попечительств Пермской, Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний из государственной казны было ассигновано 200 тыс. руб. На эти деньги в перечисленных губерниях было открыто 120 чайных, из которых 26 содержали при себе читальни.

На Урале работу попечительств о народной трезвости координировали Оренбургский, Пермский, Уфимский губернские комитеты и уездные отделы, а также Уральский особый комитет. Их силами к 1901 г. было создано 17 книжных складов, 296 пунктов для проведения публичных народных чтений; организовывались вечерние и воскресные классы для обучения взрослых; устраивались театральные представления, народные празднества. Финансирование всех мероприятий осуществлялось из средств местных попечительств, но большая часть расходов покрывалась из государственной казны. В это же время создаются общества трезвости. Инициаторами их создания в деревнях и заводских поселках, как правило, являлись священники. По целям своей деятельности такие общества были социальными, а не религиозными, однако именно церковь выступила в первых рядах борцов против укоренившегося народного недуга.

28 декабря 1909 – 6 января 1910 г. в Санкт-Петербурге прошел I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством при активном участии М.Д. Челышева, А.Ф. Кони, В.М. Бехтерева, председателя Русского технического общества В.И. Ковалевского, членов Государственной Думы А.И. Шингарева, В.Д. Набокова, члена Госсовета Н.С. Тегенцева. На съезде было заявлено, что в стране насчитывается уже около 2000 обществ трезвости, включая приходские, в которых состояло свыше полумиллиона человек, «вставших на путь трезвой благочестивой жизни».

На II съезд в 1912 г. были приглашены, главным образом, представители церковноприходских братств и обществ трезвости, а также педагоги светских и духовных учебных заведений, представители светских обществ, кружков, союзов.

Представители радикально настроенных организаций допущены не были. Отсюда и рекомендации чисто просветительских методов борьбы с пьянством, принятые съездом. Анализ состава участников съезда показал, что правительство считало церковь лояльным относительно казённой винной политики институтом и хотело, чтобы именно священники возглавляли трезвенническое движение на местах. Однако среди самих священников не было полного согласия относительно методов борьбы с пьянством. Этому способствовали довольно скромные успехи в этой борьбе.

Однако, попечительства о народной трезвости, созданные как государством, так церковью и общественностью, не смогли переломить отношения народа к потреблению алкоголя. Причины неуспеха нужно искать в непоследовательной деятельности государства, а также в нелегкой общественно-политической обстановке: на начало века пришлись войны, экономический кризис и затяжная депрессия (1900 – 1909), революции. В этих условиях вести борьбу с пьянством было чрезвычайно сложно.

В третьем параграфе «Деятельность уральских епархий по противодействию злоупотреблению алкоголем в дореволюционный период» раскрываются формы и методы трезвеннической работы РПЦ с населением Урала.

По всем уральским епархиям насчитывалось около тысячи членов трезвеннических организаций. На Урале более всего обществ трезвости было открыто в Екатеринбургской епархии, пик пришёлся на 1911–1913 гг. В 1912 г. наиболее крупными считались Арамилское (более 3 тыс. членов) Верхне-Исетское (около 3700 членов). В целом самые многочисленные и организованные общества функционировали при металлургических заводах.

Деятельность обществ щедро финансировалась из государственного бюджета. Однако она не принесла, да и не могла принести ожидаемого перелома в статистике пьянства, поскольку правительство не позволяло им вмешиваться в виноторговлю и бороться с социальными причинами пьянства. Именно поэтому направление деятельности обществ быстро сместилось с борьбы с незаконной торговлей спиртными напитками на пропаганду полезных знаний и повышение общей культуры населения. Попечительства о народной трезвости в уральских губерниях, как и в целом по России, вели преимущественно культурно-просветительскую деятельность. Согласно отчету 1909 г., общества трезвости в России содержали 9 библиотек-читален, из них почти половина на Урале: по одной в Екатеринбургской и Оренбургской епархиях и две в Пермской. Кроме того имелось 39 «профильных» библиотек, в фонде которых имелась исключительно «трезвенническая» литература и периодическая печать. В Екатеринбургской епархии таких библиотек было 4, в Оренбургской и Пермской по две. К другим формам работы относилось открытие трезвеннических чайных (первая на Урале открыта в 1894 г. в с. Юсьва Соликамского уезда. На тот момент в России их насчитывалось всего пять) и участие в создании и работе народных домов, театров, хоров и других культурно-досуговых учреждений, способных, по мнению сторонников просветительства, отвлечь население от пьянства.

Основными формами работы РПЦ в борьбе с пьянством и профилактикой здорового образа жизни населения Урала можно выделить следующие: принятие

обета трезвости; церковная проповедь о трезвости; распространение брошюр и листов трезвости; чтения, беседы, общее пение; беседы-увещевания о недопущении разгула в храмовые праздники и при свадебных торжествах; общие молитвы и Крестные ходы; организация обществ трезвости, церковноприходских попечительств; проведение школьных уроков трезвости. Благодаря активной деятельности РПЦ в дореволюционный период на Урале, способной хотя бы частично противостоять негативным социальным явлениям, трезвенническое движение получило организационное оформление.

В четвертой главе – «Благотворительная деятельность Русской православной церкви на Урале в условиях чрезвычайных ситуаций (вторая половина XIX – начало XX в.) на Урале» – изучается региональный аспект проблемы благотворительности РПЦ в годы войн и стихийных бедствий.

В первом параграфе «Социальное служение РПЦ в годы стихийных бедствий» освещается деятельность и значение церкви Урала в годы общественных потрясений: неурожая, голода и других, тяжелых по своим последствиям народных бедствий.

Церковь была не только сферой приложения благотворительного капитала, но и выступала в качестве организатора благотворительной деятельности. Благотворительность РПЦ носила разноплановый характер. Тяжелые неурожай и голод в уральских губерниях случались в конце 1850-х гг., в 1873, 1882, 1899, 1903, 1911 годах. Их причинами были неблагоприятные климатические условия, плохая агротехника, бедность крестьянских хозяйств, не имевших возможности создавать страховые запасы хлеба, неразвитость регионального и общероссийского аграрного рынка, аграрное перенаселение, отсутствие широких возможностей заработка вне сельскохозяйственной сферы. Наиболее трагичным для сельского населения Урала был голод 1891 – 1892 гг., охвативший весь регион, и повлекший за собой массовую гибель населения ряда уездов. Ещё в ноябре 1891 г. в ряде заводских поселков произошли голодные волнения. Весной 1892 г. началась эпидемия холеры, сыпного и брюшного тифа, дифтерита. В 1892 г. смертность превысила обычно высокий естественный прирост населения (-1,44 %).

По данным екатеринбургского земства, в 22 неурожайных волостях только 4,6 % населения было обеспечено пропитанием до нового урожая, 5,3 % – до 1 апреля 1892 г., 12 % – до 1 января 1892 г., 64,3 % не имело его уже к 1 ноября 1891 г., а вместе с не имеющими пропитания и в обычное время в немедленной помощи нуждалось 78,1 % населения. В Пермской губернии неурожай особенно остро сказался на положении населения Шадринского, Камышловского, Екатеринбургского уездов, несколько меньше – Осинского. По официальным данным, общее количество умерших от голода в этих четырех уездах составило в 1892–1893 гг. около 40 тыс. человек.

Основная работа по борьбе с голодом легла на земства и приходские попечительства. В церковных и светских печатных изданиях помещались многочисленные обращения епархиальных комитетов с призывом о помощи. В тяжелых условиях в этот период оказалось и приходское духовенство, кормившееся сборами с прихожан, и вынужденное, как и остальное население, продавать за бесценок нажитое имущество и скот.

Во время голода 1911–1912 гг. приходские попечительства, епархии вновь «были призваны к заботе о голодающих». Попечительства составляли списки голодающих, предоставляя их в епархиальный и уездные комитеты о голодающих, а затем на средства, отпускаемые комитетами, покупали и раздавали муку нуждающимся. В тех районах епархии, где имелись запасы продуктов, рекомендовалось устраивать бесплатные столовые. Такие столовые были открыты, например, в сёлах Травянском и Куртамышском и в посёлках Сыртинском и Кизильском Челябинского уезда.

Говоря об историческом значении социального служения РПЦ в годы стихийных бедствий, обратимся к словам современника. Дореволюционный исследователь истории церковной благотворительности А.Н. Афанасьев на основе собранных фактов сделал вывод, что в эпоху, когда «народ, незнакомый с материальным благосостоянием», вымирал вследствие войн и неурожаев, объем княжеской и церковной благотворительности вполне удовлетворял потребности тех нуждающихся, которые могли приняться за труд после перенесенных бедствий. С развитием материальных ресурсов нищета неизбежно перестает предшествовать физической гибели людей, в обществе «призрение принимает больший объем». В условиях стихийных бедствий вектор социальной деятельности РПЦ активно смещался в направлении решения чрезвычайных проблем населения Урала.

Второй параграф «Церковно-общественное социальное служение в военные годы» посвящен благотворительной деятельности РПЦ Урала в годы Первой мировой войны. Наряду с попечительной, религиозно-образовательной и церковно-строительной деятельностью духовенство взяло на себя заботу об армии и семьях воинов.

Формы помощи пострадавшим от войны в целом использовались те же, что и в мирное время. Самой распространенной формой были сборы пожертвований: по подписным листам в «миру», кружечные, кошельковые, тарелочные в храмах. Менялось лишь их назначение. Объемы собираемых средств зависели от различных обстоятельств, но в целом заметно возросли.

С 1914 г. Синод предписал производить кружечный сбор на нужды войны, совершать ежедневные богослужения с молитвами о сражающихся и раненых воинах. Для поддержки членов семей фронтовиков в приходах создавались особые попечительные советы из прихожан с участием духовенства и церковных старост. Советы вели списки семей, члены которых были призваны в армию, выясняли их имущественное положение и оказывали им материальную помощь. Для этой цели Синод разрешил «оказывать пособие» не только из собранных пожертвований, но и из церковных сумм, что в обычное время для церкви было нетипично.

С августа по декабрь 1914 г. попечительными советами Вятской епархии была оказана материальная помощь 23585 семьям на общую сумму 32330 руб.

В соответствии с письмом обер-прокурора Синода на имя епископа Оренбургского и Тугайского, от 29 ноября 1914 г. «О выдаче пособий и беспроцентных ссуд семьям погибших на войне учителей училищ всех ведомств» оказывалась помощь семьям учителей и законоучителей церковноприходских школ, погибших или умерших от ран, ставших инвалидами. В состав родственников,

имевших право на оказание помощи, входили жена, дети, родители мужа, братья и сестры при условии, что они имели статус иждивенцев.

Особое значение в военный период имели внебогослужебные собеседования священников с прихожанами. Например, в 1914 г. в Троицком уезде было проведено 60 чтений, которые посетило 5300 слушателей. Особое внимание церковь уделяла детям воинов. На деньги Романовского комитета были открыты приюты для детей воинов в женских монастырях: Чердынском Иоанно-Богословском (Пермской епархии) и Екатеринбургском Ново-Тихвинском (Екатеринбургская епархия).

В годы войны проявились следующие особенности церковного призрения. Во-первых, были существенно сокращены финансовые возможности для участия церкви в благотворительной деятельности. Во-вторых, расширилась сфера применения и объемы социальной помощи (уход за ранеными, изготовление, сбор вещей для армии). В-третьих, сменились приоритеты в выборе объектов благотворительной помощи в связи с выдвиганием на первый план специфических социальных проблем военного времени. Значение социальной деятельности церкви в период Первой мировой войны было неоднозначным. Духовенство уральских епархий, как и в целом РПЦ, поддерживало военную правительственную политику. Церковь оказывала материальную поддержку, положительное патриотическое и воспитательное воздействие на население, но как средство решения социальных проблем военного времени была недостаточно эффективна, экономически неустойчива и могла служить дополнительным средством к государственной и общественной социальной помощи.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы.

Реформы второй половины XIX в. явились историческим рубежом, когда государственная монополия на социальную деятельность сменяется широким участием в ней общественных организаций, включая и церковь. Этот модернистский процесс в России был противоречивым, что обусловлено особенностями российской цивилизации. Суть противоречия состояла в том, что активизируя общественную деятельность, государственная власть одновременно усиливало контроль над общественностью, устанавливала строгие границы компетенции общественных организаций, выход за которые не допускался. Так возникла система квазигосударственных учреждений социального призрения, в которую входило и большинство церковных социальных организаций.

В исследуемый период продолжалось быстрое «обмирщение» социальной деятельности, что проявилось не только в росте светских форм социального призрения, но и в изменении мотивов и объектов социальной деятельности самих церковных организаций. В организационном плане во второй половине XIX в. на смену узко сословным попечительствам о лицах духовного звания приходят гораздо более демократичные и массовые приходские попечительства. По своей структуре и функциям они во многом напоминали уходившие в прошлое приказы общественного призрения, но по масштабам деятельности были гораздо уже – ограничивались территорией одного православного прихода. Выполняя по существу одну и ту же функцию, что и приказы, приходские попечительства использовали особую форму сбора пожертвований – кружечные сборы. Однако со временем всё

большой удельный вес в поступлении денежных средств стала занимать коммерческая деятельность (помещение средств в банки под проценты, использование доходов от использования недвижимости), что ещё более сближало их с приказами и шедшими на смену приказам земствами.

Для попечительства о бедных лицах духовного звания других исповеданий при каждом из иноверческих приходов также организовывались особые благотворительные заведения. Однако их социальная деятельность регламентировалась государством не так жестко и не встраивалась принудительно в общую систему полугосударственных институтов социального призрения, поскольку укрепление влияния инородческих религиозных структур как конкурентов РПЦ не вписывалось в церковную политику государства. По этой причине акцентирование внимания инорелигиозных общин на благотворительной деятельности было для него вдвойне выгодно: ослабляло влияние их религиозной идеологии и одновременно способствовало росту общественного социального призрения.

В отличие от светских квазигосударственных социальных структур (ведомство императрицы Марии Федоровны, императорское Человеколюбивое общество и др.), приходские попечительства не имели ни общего центра, ни характерного для таких общегосударственных конструкций централизованного планирования и бюджета. Каждое попечительство действовало само по себе, практически не имея связи с другими попечительствами даже на территории одной епархии.

На Урале социальная деятельность РПЦ развивалась в том же направлении, что и во всей России. Численность социальных учреждений и масштабы их деятельности в целом зависели от экономической ситуации в крае.

Социальная деятельность осуществлялась епархиями, приходами и монастырями в форме организации школ, приютов, больниц, библиотек, богаделен. На основании анализа количественного и качественного роста учебных и благотворительных заведений, общего развития просветительской епархиальной сети можно выделить два этапа в процессе развития социальной деятельности РПЦ на Урале:

1-й этап – 60–90-е гг. XIX в. – возникновение просветительских и благотворительных заведений при уральских епархиях. Расширение социальной сферы приложения благотворительных усилий.

2-й этап – начало XX в. – годы Первой мировой войны – количественный рост и качественные изменения в работе социально-благотворительных заведений и активизация их деятельности.

В целом в церковных кругах, а также и среди социально активной светской общественности в исследуемый период не утихала дискуссия о целях и месте социальной деятельности церкви. Высшая церковная иерархия на первый план ставила миссионерство и поддержание религиозности в среде населения. Социальное призрение, попечительство о начальном образовании и борьба с асоциальным поведением рассматривались как средство достижения указанных целей. С другой стороны, значительная часть приходского духовенства видела в социальном служении самостоятельную миссию. На практике противостояние сводилось к обсуждению прав приходских попечительств распоряжаться

финансовыми средствами и спорам по распределению полученных средств между чисто церковными нуждами, поддержкой церковноприходских школ и расходами на социальное призрение.

В итоге приоритетным направлением оставались церковные нужды.

Наряду с «открытым» призрением расширялись масштабы и «закрытого» монастырского призрения, которое также всё больше выполняло и светские функции. Особенности монастырской деятельности на Урале являлись: во-первых, рост их численности на всем протяжении рассматриваемого периода; во-вторых, изменение и совершенствование форм и методов благотворительности; в-третьих, включение в благотворительный процесс не только крупных монастырей, но и более мелких, региональных. Однако благотворительность не составляла и не могла составлять главного содержания иноческого подвижничества. Благотворительная деятельность монастырей нормативно регламентировалась как государственной, так и церковной властью. Как на общероссийском уровне, так и в Уральском регионе в данный период наметилась тенденция превращения монастырской социальной деятельности в подконтрольную государству и управляемую область социального призрения. Особенно это проявилось в годы Первой мировой войны, когда при монастырях стали создаваться госпитали для раненых участников войны, стали собираться пожертвования, организовываться забота о раненых, семьях погибших, беженцах.

Государство рассматривало РПЦ в качестве неперемennого и действенного участника трезвеннического движения. Церкви приходов, в свою очередь, принимали определенные меры культурно-просветительского, духовно-нравственного характера (беседы, лектории, устройство библиотек), в большинстве своем традиционные и носящие религиозные мотивы, но, тем не менее, косвенно способствующие просвещению отдаленного от центра населения Урала. Основными формами работы РПЦ в борьбе с пьянством и профилактикой здорового образа жизни населения Урала можно выделить следующие: принятие обета трезвости; церковная проповедь о трезвости; распространение брошюр и листовок трезвости; чтения, беседы, общее пение; беседы-увещевания о недопущении разгула в храмовые праздники и при свадебных торжествах; общие молитвы и Крестные ходы; организация обществ трезвости, церковноприходских попечительств; проведение школьных уроков трезвости. Благодаря активной деятельности РПЦ в дореволюционный период на Урале, способной хотя бы частично противостоять негативным социальным явлениям, трезвенническое движение получило организационное оформление.

РПЦ, в свою очередь, играла роль социального стабилизатора, решая просветительские, духовно-нравственные, медицинские и другие социальные проблемы нуждающихся членов общества. Следует отметить, что социально активная позиция церквей и монастырей, в частности, наиболее ярко проявлялась во время массовых бедствий (эпидемий, переселений, войн, революционных потрясений). На Урале во второй половине XIX – начале XX в. активизировалась деятельность РПЦ, выразившаяся, прежде всего в возрастании количества богоугодных заведений.

Таким образом, деятельность РПЦ (церковноприходских попечительств, православных церковных братств, благотворительных религиозных обществ, обществ трезвости и др.) распространялась практически на все наиболее социально значимые стороны жизни населения. РПЦ в рассматриваемое время была общественной силой, способной не противостоять, но активно участвовать в смягчении ряда негативных социальных явлений, поддерживать общественно-религиозные ценности и развивать русскую традиционную культуру, обогащать ее духовными и нравственными понятиями, распространять письменность и грамотность, особенно в отдаленных от центра регионах.

На рубеже XIX –XX вв. прослеживается активное стремление со стороны государства увеличить контролирующую планку РПЦ с помощью финансовых и административных ресурсов. Политические, социально-экономические и социокультурные процессы, происходившие в России во второй половине XIX – начале XX в., кризис системы социального призрения дали толчок к формированию и активной деятельности элементов гражданского общества. Следовательно, Русская православная церковь и общественный сектор, как основные субъекты негосударственной социальной деятельности, являлись трансляторами потребностей и ожиданий различных слоев населения.

**По теме диссертационного исследования опубликованы
следующие работы:**

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Власова, А.В. Место благотворительности и ее форм в системе социальных ценностей [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Вып. 5. – 2006. – № 2 (57). – С. 181–185 (0,5/0,3 п.л.).

2. Власова, А.В. Благотворительная деятельность купечества в развитии Уральского региона [Текст] / А.В. Власова // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 10(52). – С. 153–157 (0,4 п.л.).

3. Власова, А.В. Историография церковной благотворительности в России (конец XIX – начало XX веков) [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 13. – С. 10–16 (0,7/0,5 п.л.).

4. Власова, А.В. Благотворительность Русской православной церкви в исследовательской практике дореволюционного периода [Текст] / А.В. Власова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 29. – 2009. – № 4(142). – С. 134–139 (0,9 п.л.).

5. Власова, А.В. Церковная благотворительность на Урале в годы социальных потрясений (конец XIX – начало XX в.) [Текст] / А.В. Власова // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2009. – № 9. – С. 36–40 (0,4 п.л.).

6. Власова, А.В. Историческое значение социального служения Русской православной церкви в военные годы на Урале [Текст] / А.В. Власова, Н.В. Кустова // Вестник Челябинского государственного университета. Специальный выпуск. – 2009. – № 14(152). – С. 6–8 (0,6/0,4 п.л.).

7. Власова, А.В. Милосердное и патриотическое служение Русской православной церкви в годы стихийных бедствий на Урале (конец XIX – начало XX века) [Текст] /

А.В. Власова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 33. – 2009. – № 23(161). – С. 44–51 (1,2 п.л.).

8. Власова, А.В. Деятельность уральских епархий и приходов Русской православной церкви по противодействию злоупотреблению алкоголем в дореволюционный период [Текст] / А.В. Власова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 37. – 2009. – № 38(176). – С. 110–114 (0,5 п.л.).

9. Власова, А.В. Социальная работа Русской православной церкви Урала в дореволюционные военные годы [Текст] / А.В. Власова, С.С. Смирнов // Социум и власть. – 2010. – № 3(27). – С. 112–114 (0,3/0,2 п.л.).

10. Власова, А.В. К вопросу о реагировании Русской православной церкви на проблемы социальных патологий в начале XX века [Текст] / А.В. Власова, С.И. Кубицкий // Социум и власть. – 2010. – № 4(28). – С. 107–109 (0,3/0,2 п.л.).

11. Власова, А.В. Социальные практики Русской православной церкви в периоды кризисов (на примере Урала конца XIX – начала XX в.) [Текст] / А.В. Власова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 40. – 2010. – № 15(196). – С. 61–64 (0,4 п.л.).

12. Власова, А.В. Организация попечительств о бедных церковного звания и церковноприходских попечительств в России второй половины XIX – начала XX века [Текст] / А.В. Власова, С.С. Смирнов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 43. – 2011. – № 1(216). – С. 124–128 (0,4/0,2 п.л.).

13. Власова, А.В. Церковно-общественное социальное служение в дореволюционные военные годы на Урале [Текст] / А.В. Власова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 3. – С. 26–28 (0,4 п.л.)

Монографии:

14. Власова, А.В. Благотворительность: теория, история, современность [Текст] / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. – Челябинск : Изд-во УрСЭИ АТиСО, 2005. – 160 с. (10,0/6,0 п.л.).

15. Власова, А.В. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX–XXI вв.) [Текст] / С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина, А.В. Власова. – Челябинск : Изд-во УрСЭИ АТиСО, 2006. – 204 с. (14,0/8,0 п.л.).

16. Власова, А.В. Очерки истории церковной благотворительности [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина. – Челябинск : Изд-во УрСЭИ АТиСО, 2007. – 200 с. (14,0/8,0 п.л.).

17. Власова, А.В. История церковной благотворительности на Урале: 1861–1917 [Текст] / А.В. Власова. – Челябинск : Изд-во УрСЭИ АТиСО, 2009. – 226 с. (16,0 п.л.).

Публикации в других изданиях:

18. Власова, А.В. Благотворительность как историческая форма социальной работы в России [Текст] / А.В. Власова // Проблема устойчивого развития общества переходного периода на рубеже веков : материалы науч.-практ. конф. 14–15 февраля 2001 г.; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2001. – С. 32–34 (0,3 п.л.).

19. Власова, А.В. Добровольчество (волонтерство) в России как форма благотворительности: вчера и сегодня [Текст] / А.В. Власова // Россия на пути реформ:

подводя итоги XX столетия : материалы всеросс. науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2001 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Челябинск, 2001. – С. 84–85 (0,2 п.л.).

20. Власова, А.В. Российская благотворительность: историографические основы проблемы [Текст] / А.В. Власова // Милосердие и благотворительность в российской провинции : материалы всеросс. конф. 22–23 марта 2002 г.; Центр «XX век в судьбах интеллигенции России». – Екатеринбург, 2002. – С. 9–11 (0,3 п.л.).

21. Власова, А.В. Благотворительность: феномен без определения [Текст] / А.В. Власова // Человеческий потенциал и конкурентоспособность России : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф. 14–15 апреля 2005 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Ч. 1. – Челябинск, 2005. – С. 278–282 (0,7 п.л.).

22. Власова, А.В. Благотворительность: теория, история, современность [Текст] / А.В. Власова // Социальное партнерство институтов гражданского общества и государства в решении проблемы защиты женщин и детей : материалы круглого стола 28 ноября 2005 г.; ЧООО «Женское содружество». – Челябинск, 2005. – С. 26–28 (0,3 п.л.).

23. Власова, А.В. Благотворительная деятельность в сфере культуры и здравоохранения [Текст] / А.В. Власова // Современное сиротство: социокультурный портрет : сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием. Май 2007 г. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – С. 172–180 (0,8 п.л.).

24. Власова, А.В. Женщины в общественно-благотворительном движении: историографический и социальный аспекты [Текст] / А.В. Власова // Россия в глобальном пространстве: национальная безопасность и конкурентоспособность : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. 12 марта – 12 апреля 2007 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Ч. III. – Челябинск, 2007. – С. 339–348 (0,7 п.л.).

25. Власова, А.В. Значение мотивов благотворительности на пореформенном и постсоветском пространстве [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Россия в глобальном пространстве: национальная безопасность и конкурентоспособность : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. 12 марта – 12 апреля 2007 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Ч. III. – Челябинск, 2007. – С. 292–301 (0,8/0,4 п.л.).

26. Власова, А.В. К вопросу возрождения традиционных духовных ценностей России (на примере благотворительности) [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Россия в глобальном пространстве: национальная безопасность и конкурентоспособность : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. 12 марта – 12 апреля 2007 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Ч. I. – Челябинск, 2007. – С. 201–213 (0,8/0,6 п.л.).

27. Власова, А.В. Развитие традиционных форм помощи сиротам в дореволюционной России [Текст] / А.В. Власова, С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина // Современное сиротство: социокультурный портрет : сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием. Май 2007 г. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – С. 223–229 (0,8/0,4 п.л.).

28. Власова, А.В. Уральские предприниматели на ниве благотворительности [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Научный вестник. Челяб. ин-т (филиал) ГОУ ВПО «Росс. гос. торгово-эк. университет». – Челябинск, 2007. – № 7. – С. 149–157 (0,6/0,4 п.л.).

29. Власова, А.В. Участие Русской православной церкви в благотворительной деятельности [Текст] / А.В. Власова // Православие на Урале: исторический аспект,

актуальность развития и укрепления письменности и культуры : материалы симпозиума с междунар. участием : V Славянский научный собор «Урал в диалоге культур». 24 мая 2007 г. ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Ч. 1. – Челябинск, 2007. – С. 82–92 (0,8 п.л.).

30. Власова, А.В. Благотворительность как составляющая культуры в истории России [Текст] / А.В. Власова // Шадринские чтения : материалы третьей межрегион. науч. конф. по проблемам филологии и культурологии. 23 – 24 апреля 2008 г.; Шадринский педагогический институт. – Шадринск, 2008. – С. 193–195 (0,3 п.л.).

31. Власова, А.В. Благотворительность и социально-экономическое развитие Уральского региона (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / А.В. Власова // Социально-экономические проблемы развития предприятий и регионов : сб. статей. Октябрь 2008 г. ; Приволжский Дом знаний. – Пенза, 2008. – С. 60–62 (0,3 п.л.).

32. Власова, А.В. Женщины и благотворительность [Текст] / А.В. Власова // Сб. статей и интервью / сост. Н.Р. Балынская ; ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет». – Магнитогорск, 2008. – С. 9–16 (0,5 п.л.).

33. Власова, А.В. Значение благотворительности Русской православной церкви в становлении системы образования на Урале [Текст] / А.В. Власова // Россия сегодня: гуманизация социально-экономических отношений. VI Марксовские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.Д. Жукоцкого. 6 марта 2008 г.; Нижневартковский государственный гуманитарный университет. – Нижневартковск, 2008. – С. 286–289 (0,3 п.л.).

34. Власова, А.В. Историография и источниковая база исследования российской церковной благотворительности XIX – начала XX вв. [Текст] / А.В. Власова // Изменяющаяся Россия. Социально-экономические инновации : сб. науч. статей аспирантов и соискателей ; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Челябинск, 2008. – С. 26–39 (1,0 п.л.).

35. Власова, А.В. Каритативная и организационная деятельность богоугодных заведений Русской православной церкви на Урале [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Южный Урал в судьбе России: история и современность : науч. изд., посвящ. 75-летию Челябинской области. 16 декабря 2008 г. ; Государственный комитет по делам архивов Челябинской области. – Челябинск, 2008. – С. 13–22 (0,8/0,6 п.л.).

36. Власова, А.В. Общественная благотворительность как форма гражданской активности населения Урала в области образования (II половина XIX – начало XX в.) [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. ; Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина. – Ч. II. – Челябинск, 2008. – С. 176–186 (0,8/0,6 п.л.).

37. Власова, А.В. Особенности благотворительности Русской православной церкви в годы неурожая на Урале во второй половине XIX – начале XX в. [Текст] / А.В. Власова // Изменяющаяся Россия. Социально-экономические инновации : материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. 2–15 апреля 2008 г.; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Ч. III. – Челябинск, 2008. – С. 372–378 (0,4 п.л.)

38. Власова, А.В. Религиозно-философские воззрения на церковную благотворительность [Текст] / А.В. Власова // Acta eruditorum. Русская Христианская Гуманитарная Академия. – Санкт-Петербург, 2008. – № 5. – С. 31–37 (0,6 п.л.).

39. Власова, А.В. Участие церковноприходских попечительств в социокультурной политике дореволюционного Урала [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. ; Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладосина. – Ч. I. – Челябинск, 2008. – С. 150–155 (0,4/0,3 п.л.).

40. Власова, А.В. Церковь как сфера приложения предпринимательского благотворительного капитала на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Научный вестник ; Челяб. ин-т (фил.) ГОУ ВПО «Росс. гос. торгово-эк. университет». – Челябинск, 2008. – № 8. – С. 56–65 (0,8/0,6 п.л.)

41. Власова, А.В. Благотворительность как направление социальной деятельности Русской православной церкви в истории Урала [Текст] / А.В. Власова // Социально-экономическое развитие России в нестабильном мире: национальные, региональные и корпоративные особенности : материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. 10 марта 2009 г. ; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Челябинск, 2009. – С. 115–119 (0,7 п.л.).

42. Власова, А.В. Социальная ответственность уральского купечества как фактор развития социальной политики [Текст] / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина // Усиление социальной ответственности бизнеса как фактор стабилизации экономики России в условиях кризиса : сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. 12 марта 2009 г. ; Академия труда и социальных отношений. – М., 2009. – С. 33–43 (0,8/0,6 п.л.).

43. Власова, А.В. Церковная благотворительность на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / А.В. Власова // IV Свято-Филаретовские чтения. «На ниве Христовой: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II» : материалы всерос. науч.-богослов. конф. 10–11 декабря 2008 г. – М., Ярославль : Ремдер, 2009. – С. 142–144 (0,3 п.л.).

44. Власова, А.В. Губернаторы и развитие благотворительности в Оренбургском крае [Текст] / А.В. Власова // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заоч. Дискуссии : материалы дискуссии / под общ. ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. – Екатеринбург–Ижевск, 2010. – С. 168–173 (0,8 п.л.).

45. Власова, А.В. Практики Русской православной церкви в условиях социально-экономической нестабильности конца XIX – начала XX в. (на примере Уральского региона) [Текст] / А.В. Власова // Социально-экономическое развитие России в посткризисный период: национальные, региональные и корпоративные аспекты : материалы XXVI междунар. науч.-практ. конф. 24 марта – 2 апреля 2010 г. ; Урал. соц. экон. ин-т АТиСО. – Челябинск, 2010. – С. 82–86 (0,4 п.л.).

46. Власова, А.В. Влияние Русской православной церкви на моральные устои уральцев в начале XX века [Текст] / А.В. Власова, С.И. Кубицкий // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы X междунар. науч. конф. 10–11 февраля 2011 г. : в 2 ч. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – Ч. 2. – С. 103–109 (0,8/0,6).

Власова Анна Владимировна

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 15.09.11.

Усл. печ. л. 2,2.

Уч.-изд. л. 2,4.

Формат 60X84 1/16

Тираж 130 экз.

Заказ № 24

Ризограф УрСЭИ (филиал) ОУП АТиСО

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1

